

Линь Е положил телефон и, обратившись к Фан Жую, сказал:

— Найди любое место, сгодится.

Фан Жуй кивнул.

А чем же занимался Шэнь Цзялань, отказавшийся от приглашения Линь Е?

Сегодня семья Шэнь действительно праздновала. Шэнь Сяочу, щеголяя в костюме для выступления, носился туда-сюда. Его красные шорты и черно-красный нагрудник делали его похожим на мальчика с новогодней открытки, символ удачи, хотя его тонкие ручки и ножки не были такими пухлыми, как у традиционного образа. Тем не менее, он выглядел очень мило.

Вся семья была занята радостными хлопотами. Даже Шэнь Хайжо взял отгул и вернулся, привезя огромный торт, которого хватило бы на несколько дней.

Тётушка Линь на кухне выложилась на полную, приготовив целый стол вкусностей. Праздник должен быть шумным и веселым, тем более что Сяочу такой очаровательный.

Шэнь Цзюли, вопреки своей привычке спорить с сыном, позволил ему резвиться долгое время, не угрожая выставить за дверь. Когда Сяочу наигрался, он взял его на руки, сменил праздничный красный наряд на длинные штаны и рубашку — ведь сейчас еще весна, и ребенок может простудиться, если будет одет слишком легко.

Шэнь Цзялань чувствовал, что сам ничего не делает, только ест и пьет, наблюдая, как Сяочу нарочито мил, а Шэнь Хайжо, сам того не замечая, выглядит глуповатым. Он искренне считал, что их интеллект каким-то образом поменялся местами.

Сяочу был маленьким пройдохой, в то время как его дядя Шэнь Хайжо в интеллектуальном плане явно проигрывал. Если бы Сяочу не считал дядю своим союзником в противостоянии с отцом, Хайжо, вероятно, оказался бы в еще более плачевном положении.

— Сяолань, Сяолань, кем мне стать — музыкантом или танцором?

Сяочу, недавно увлекшийся игрой на пианино, после успешного танцевального выступления обрел уверенность и теперь счастливо... размышлял над этим выбором.

Шэнь Цзялань улыбнулся, погладил его по голове и сказал:

— Делай то, что тебе нравится. Твой папа тебя любит, и он поддержит тебя в любом случае.

Лицо Сяочу покраснело. Он прикрыл его руками и, смущаясь, зарылся в объятия Цзяланя, что-то тихо бормоча.

Цзялань, обладая острым слухом, разобрал слова: «Я тоже люблю папу, хотя он строгий и некрасивый». Это вызвало у него смешанные чувства.

Когда семья наелась и напилась, Шэнь Цзюли взял Сяочу, чтобы искупать его и уложить спать, сказав, что детям нельзя поздно ложиться.

Праздник закончился, и все вернулись к своим обычным делам.

Шэнь Хайжо, без макияжа, с заметными темными кругами под глазами, попрощался и отправился в свою комнату. Наконец-то он сможет как следует выспаться!

Когда Шэнь Цзюли уже собирался лечь, его внимание привлек странный звук. Подойдя к окну, он увидел своего старшего брата Шэнь Цзяланя, который, прильнув снаружи, стучал в стекло. Его бесстрастное лицо, видимое сквозь темноту, выглядело зловеще.

Сердце Цзюли замерло. Он, дрожа, спросил:

— Старший брат, что ты делаешь?

Цзялань приоткрыл окно снаружи и сказал:

— Мне нужно выйти, просто предупредил тебя.

Цзюли знал, что брат вряд ли расскажет, куда именно направляется. То, что он вообще сообщил, уже было проявлением уважения.

Цзялань был одет во все черное, почти сливаясь с темнотой. Его черные глаза ярко светились, излучая невероятную красоту.

Он начал терять терпение:

— Я пошел...

— погоди, старший брат, ты просто так уходишь? Не переоденешься, не замаскируешься?

Цзялань усмехнулся:

— Дурак.

С этими словами он выпрыгнул из окна и исчез в темноте, оставив Цзюли смотреть ему вслед.

Цзялань был одет в черную толстовку, черные штаны и кроссовки, почти как в день своего возвращения. На ушах у него были наушники. Такой наряд не выглядел подозрительным на

улице в это время — многие молодые люди выбирали это время для вечерних пробежек.

Конечно, он вышел не для бега. Просто кто-то, недовольный его бездельем, попросил «помочь» с одним делом.

Семья Шэнь жила в районе А столицы, в довольно престижном месте. Хотя цены здесь и не были запредельными, они приближались к понятию «каждый клочок земли на вес золота».

Покинув жилой комплекс и пройдя по дороге, можно было увидеть реку. Огни набережной и тени деревьев отражались в воде, а в черной, бездонной глубине плыли яркие и разрозненные звезды.

Цзялань, притворившись бегуном, перешел мост и направился к коммерческой улице.

Кепка слегка прикрывала его лицо. Он начал двигаться сквозь ночь и толпы гуляющих, с легкой улыбкой на губах, словно охотник, прогуливающийся по своей территории.

На этот раз он пришел, чтобы расследовать одно дело, конечно же, связанное с пробуждением получеловека.

В материалах, переданных ему, была размытая фотография, на которой запечатлена стройная фигура. На снимке человек с неопределенным полом застыл в странной позе, словно кошка, прыгающая с высоты, а за ним размыто виднелся изогнутый хвост.

Это, вероятно, был получеловек. Согласно данным, он только что пробудился и еще не был обнаружен специальным правительственным отделом.

Если бы Цзяланю нужно было описать это, он сказал бы, что в лесу появилось бездомное животное, и кто-то хочет надеть на него ошейник, чтобы сделать домашним, в то время как он предпочел бы выпустить его на волю, чтобы оно вернулось к своей дикой природе.

И сейчас на это «животное» претендовал не только Цзялань.

Линь Е столкнулся в ресторане с человеком, которого меньше всего хотел видеть, — Чжун Лицином. Тот улыбался, а за ним следовали две красивые, но совершенно разные женщины.

— Давно не виделись...

Линь Е скривился. Он вообще не хотел его видеть.

Чжун Лицин, не обращая внимания на холодный прием, уселся напротив Линь Е, развалившись

на стуле и раскачивая ногой.

За ним стояли две женщины. Одна, в красном платье, выглядела зрелой и элегантной, ее звали Сяо Ми. Другая, в клетчатой юбке и длинных сапогах, выглядела как милая школьница, ее звали Тантан.

Когда Линь Е впервые услышал эти имена, он подумал, что у Чжун Лицина странное чувство юмора — называть женщин «медом» и «конфеткой».

Однако обе женщины всегда сопровождали Чжун Лицина, выполняя его приказы. Линь Е даже видел, как Тантан действовала с ловкостью, сравнимой с лучшими телохранителями, и что самое важное — обе, включая Сяо Ми, были полулюдьми.

Чжун Лицин с интересом спросил:

— Эй, Линь Е, я слышал, ты нашел мужчину и собираешься жениться?

Линь Е, видя его интерес, почувствовал головную боль. Чтобы удовлетворить любопытство, он кивнул, надеясь, что тот уйдет.

— А когда свадьба? Обязательно сообщи мне, я подарю тебе что-то особенное, не отказывайся!

Линь Е удивленно спросил:

— Мы что, настолько близки?

Чжун Лицин выглядел еще более удивленным:

— Разве мы не отношения «любовь-ненависть»? Разве это не близко?

— Не говори ерунды.

Они были скорее в отношениях «преследователь и жертва».

Если бы Чжун Лицин стал приставать к кому-то другому, он бы с презрением сказал, что те выглядят слишком глупо.

А если он говорил, что будет преследовать Линь Е до конца, то он действительно делал это. И этот процесс был для Линь Е настоящим испытанием.

Теперь, когда кто-то упоминал Чжун Лицина, имя Линь Е неизбежно следовало за ним, словно они были связаны злым роком.

Один из болтунов даже сказал: «Вы двое, будь то любовь или взаимная ненависть, ради спокойствия всех, просто будьте вместе!»

Тот болтун до сих пор жив, и Линь Е пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать гнев. Это было настоящее испытание терпения.

Кстати, этот болтун был его дальним родственником.

Линь Е понимал, что виновником всей этой ситуации был Чжун Лицин. Если бы он не вел себя так навязчиво, эти глупые слухи не распространились бы.

Линь Е отставил кофе и, позвав Фан Жуя, собрался уходить. Там, где был Чжун Лицин, оставаться было небезопасно.

Чжун Лицин сделал жест, и Сяо Ми с Тантан не стали останавливать Линь Е. Он с улыбкой сказал:

— На этот раз я останусь в столице на некоторое время, и тогда я смогу встретиться с твоим возлюбленным. Интересно, понравится ли мне такой тип.

Линь Е ничего не ответил и вышел первым.

Чжун Лицин встал, пробормотав что-то о скуке, и повернулся к Сяо Ми:

— Какие развлечения есть на вечер?

<http://bllate.org/book/15261/1346547>